

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Оформление серии *В. Щербакова*
Редактор серии *А. Антонова*
Иллюстрация на обложке *В. Остапенко*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Калинина, Дарья Александровна.

К17 Аленький цветочек для чудовища / Дарья Калинина. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Иронический детектив Дарьи Калининой).

ISBN 978-5-04-110809-0

Полина не очень-то любила изнурять себя на цветочных плантациях, как она в шутку называла целую комнату фиалок, оставшуюся после смерти бабушки. Ей было некогда ими заниматься, а сестра Вера съехала с катушек — познакомилась с неким Учителем, который заставляет ее следовать всем канонам и постам. Полина свою сестру уже не узнавала, а та ничего и слышать не хотела. И в один далеко не прекрасный день Вера просто исчезла из дома! А вскоре в их квартире кто-то устроил настоящий погром, и все фиалки были безнадежно испорчены...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110809-0

© Калинина Д.А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

Фиалки, фиалки, фиалки! Длинные ряды стаканчиков с растениями тянулись вдоль ярко освещенных лампами стеллажей. Полина выпрямила спину и оглядела фронт своих сегодняшних работ. Ну, что тут сказать! Взгляд радовался. Фиалок было много, целое море цветов самых разных окрасок, форм и сортов. Были тут и стандартных размеров, которые так и назывались, стандарты, были крошечные, или мини, имелись также ампельные, так называемые трейлеры, способные цвести целым каскадом крошечных разноцветных цветочков.

Сейчас коллекция насчитывала свыше пяти сотен сортов. Раньше было больше. Но за последние полгода ее удалось сократить до пяти сотен. Но и этого, на взгляд Полины, было слишком много. Ведь пять сотен — это были только маточные растения. А помимо них имелись еще укорененные листики, крошечные детки, детки уже подросшие и готовящиеся зажечь своей собственной самостоятельной жизнью стартера — растения, собирающегося заложить свой первый в жизни цветок. Все они предназначались на про-

дажу, должны были найти своих новых любящих и заботливых хозяев.

Вообще-то, фиалками занималась Вера — старшая сестра Полины, которая и унаследовала этот бизнес от их мамы, а мама, в свою очередь, от бабушки. Бабушка же всегда утверждала, что выжить в жуткие голодные девяностые годы их семье помогли исключительно фиалки. Эти крошечные цветочки цвели изо всех сил, радовали глаз, и люди их охотно покупали, чтобы принести домой в свои семьи вместе с этим жизнерадостным цветком немножко тепла и надежды. А чем лучше становилась жизнь в стране, тем охотнее покупали люди цветы и тем успешней шел у бабушки ее цветочный бизнес.

Вот только не нужно думать, что он не требовал хлопот. Требовал, и еще каких! Тут и неусыпный контроль над качеством зеленых саженцев, почвы и воды, борьба с вредителями и болезнями, с темным временем года, повышенной температурой от включенных зимой батареей. И столько еще всего разного! Да взять хотя бы тот же полив. Пусть фиалки стояли на фитильках — длинных ниточках, по которым из емкости с питательным раствором поднималась к их корням живительная влага, но все равно хоть раз в неделю надо было в эти емкости заглядывать. Недолив был для нежных фиалочек так же губителен, как и перелив. И вот сегодня была очередь Полины поливать плантации. И она поливала их

с семи утра, а сейчас часы показывали уже без четверти десять.

И Полине казалось, что справилась она очень даже неплохо.

— Сам себя не похвалишь, ходишь, как оплеванный, — произнесла вслух Полина и тут же себя от души похвалила: — Какая же ты молодец, Полиночка! Справилась сегодня на пятнадцать минут быстрее, чем обычно. Растешь над самой собой!

Фиалки тоже выглядели довольными. Полина добавила в воду немножко жидкого минерального удобрения, хотя в холодное время года кормить растения не полагалось. Сестра считала, что поздней осенью фиалки должны отдыхать, жить на голодном пайке и с минимальным освещением, не дольше десяти часов в день.

— Во-первых, экономия средств. Во-вторых, им же самим польза, отдохнут, потом с новыми силами будут лучше цвести.

Но Полина жалела свои растюшки, баловала их иногда вкусеньким. Сестра может поститься, сколько ей влезет, у нее, наверное, грехов много, вот и замаливает. А маленькие фиалки, чем они в своей жизни нагрели, чтобы каяться в них во время постов? И Полина тайком подкармливала фиалки полным комплексным удобрением, а потом с улыбкой слушала, как сестра рассказывает всем подряд, как замечательно чувствуют себя фиалочки исключительно на святой крещенской воде и ее — Вериных — молитвах.

Вообще, с сестрой в последнее время творилось явно что-то совсем неладное. Она перестала уделять время фиалкам, зато зачастила в церковь, которую раньше посещала лишь от случая к случаю. Да еще теперь Вера ходила не в ближайшую к их дому церковь во имя святителя Николая, а в какую-то расположенную очень далеко, на другом конце города. И Полину сестра с собой никогда не брала.

— Мала ты еще!

А как мала, если Полина уже закончила одиннадцать классов, успешно сдала экзамены и теперь училась в музыкальном педагогическом училище. Сколько же ей должно было стукнуть, чтобы можно было ходить с сестрой в ее храм?

И Полина пыталась вразумить Веру:

— Даже совсем крохотных детишек их родители на руках приносят в церковь. Нелогично выходит, им можно, а мне с тобой нет?

— Вот и иди в обычную церковь. А со мной нельзя.

— Обычную? А ты, значит, ходишь в необычную?

Но Вера лишь отмалчивалась. Зато теперь она приносила с собой тюки с какой-то печатной продукцией. Но запакованы они были так туго, что Полине ни разу не удалось вытянуть из тюка хоть самую тоненькую брошюрку. Одеваться сестра тоже стала странно. Зачем-то нацепила черный платок, длинную до пят юбку и наглу-

хо закрытую кофту. А ведь даже после смерти бабушки Вера отказалась носить траур. Тогда сестра бегала в бриджах, плотно облегающих ее попку, коротеньких топиках, а в пупке у нее поблескивал пирсинг. И где теперь тот пирсинг? Не отыщешь его в складках черной материи, в которую Вера задрапировалась по требованию Учителя.

Вот именно так, с большой буквы. Имени его Вера не произносила. Он был Учитель, и все. И надо сказать, что этот человек интересовал Полину чрезвычайно. Но кто он такой, она понять так и не смогла, хотя теперь Вера упоминала этого человека постоянно. Учитель сказал то, Учитель велел это. Все поручения Учителя воспринимались Верой, как прямое указание свыше.

— Покорность — первая добродетель, — поучала она сестру. — Даже если ты видишь, что наставник твой не прав, смирись, и будет это смирение тебе во благо и искупление.

И постепенно Полина, еще не видя этого Учителя, возненавидела его. А как ей было к нему относиться, если он научил Веру вынести из дома телевизор, ноутбук, планшет и даже свой новенький смартфон уговорил отдать ему. Но и на этом Учитель не остановился, затем ему понадобился смартфон Полины. И Вера забрала его у сестры. Вере взамен выдали старенький кнопочный аппарат, который, по словам Учителя, был вполне пригоден для скорейшего просветления Веринной

души. А Полине и такого не выдали, Вера сказала, что сестре нужно больше думать о душе и меньше сидеть в социальных сетях.

Есть и пить сестрам теперь позволялось лишь самую простую пищу, лучше всего хлеб и воду, основу всего сущего. И любящая вкусно покушать, но добрая от природы Полина теперь стеснялась есть при сестре свои любимые булочки со взбитыми сливками и трубочки с заварным кремом. Приходилось лакомиться ими вне стен родного дома. А Полина раньше так любила по вечерам забраться под одеяло, взять себе парочку вкусненьких бутербродиков, шоколадную конфету, пирожное и запить все это хорошей чашкой горячего пуэра. Но все эти вкусности отныне в доме были под запретом. Нет, Вера ничего не говорила сестре, но она так страдальчески вздыхала и с такой жалостью смотрела на сестру, словно та у нее на глазах уже корчилась в адском огне. И у Полины кусок колбасы сам собой падал изо рта. А на конфеты ей и смотреть не хотелось.

Единственное, что она могла, так это канючить:

— Почему мы с тобой должны так жить?

— Во искупление грехов.

— Какое еще искупление? Что ты такого могла натворить, чтобы так себя истязать?

Про искупление сестра теперь твердила постоянно. И не только в разговорах с Полиной, но и с другими людьми тоже. Добилась она лишь

того, что от нее стали шарахаться даже соседи, знавшие сестер с малолетства. А вот родители, казалось, ничего плохого не замечали. Может быть, потому, что видели сестер теперь лишь по скайпу? Мама с папой были учеными-химиками. И в этом году им сказочно повезло. Они получили долгожданные средства на свои исследования, но лаборатория, где их соглашались принять, находилась на Дальнем Востоке. Родители спросили совета у сестер. Поехать им или остаться?

И Вера, которая на тот момент еще не познакомилась с Учителем, сказала:

— О чем тут думать? Такой шанс выпадает раз в жизни. Вы же об этом мечтали. Так вперед! На встречу мечте!

— А вы? Как же вы?

— А что мы? Мы обе уже взрослые. Не пропадем.

— Так-то оно так, — засомневалась мама. — Но все-таки...

Сомневалась она еще где-то дня три, а потом родители оповестили дочерей о принятом ими судьбоносном решении. Они едут! Услышав это, Полина ощутила какой-то холодок под ложечкой. Теперь она понимала, что этот холодок был предвестником того кошмара, который навалился на нее после знакомства сестры с этим ее Учителем. Родители уехали в августе, а уже в сентябре с Верой стали происходить первые

изменения. Вначале они не были такими уж катастрофичными, но время шло, и Вера все глубже увязала в этих своих новых отношениях с Учителем.

Полина пыталась рассказать родителям, что с сестрой творится неладное, но папа с мамой были так увлечены своим делом! Им так все нравилось на их новом месте, что они ни о чем другом и думать не могли. Они почти не слушали дочерей. Наверное, если бы Вера принялась расхаживать перед ними с выкрашенными в ярко-синий цвет волосами и татуировкой в половину лица, они бы встревожились. Но тут...

— Девочка не пьет, не курит, по ночам на тусовки не таскается.

— Одевается подчеркнуто скромно.

— Что же тут плохого?

Родители были даже довольны, что Вера стала такой серьезной. Больше того, они ставили Веру в пример Полине! Сама Полина, по мнению родителей, была легкомысленной. Кроме того, они считали, что Полина слишком много времени посвящает дружеским посиделкам в кафе и тусовкам с друзьями. И все это идет в ущерб ее учебе. Но это же было не так! Ну, то есть не совсем так.

От этих мыслей Полину отвлек звонок телефона. Она даже не сразу поняла, что за звук раздается в квартире, слишком давно не звонил этот аппарат, и Полина успела отвыкнуть от его

звонка. Это был их домашний аппарат, от которого мама перед своим отъездом, замороженная сборами, попросту забыла отказаться. А у двух сестер, хотя они были и не против отказаться от лишних расходов, отказ в телефонной компании не принимали, мотивируя это тем, что номер был зарегистрирован на маму. И значит, только мама и могла от номера отказаться.

Обычно этот аппарат молчал. Если по нему и звонили, то люди ненужные — рекламщики, представители всевозможных компаний. И сейчас Полина сняла трубку чисто машинально, готовясь послать звонившего по известному адресу.

Но вдруг услышала далекий от официального, очень взволнованный голос, который произнес:

— Простите, могу я поговорить с кем-нибудь из близких Веры Ревнивцевой?

У Полины сердце так и захолонуло. С Верой что-то случилось! Упала на улице! Попала под машину! Оказалась в больнице! В морге! На том свете!

— Да, — осипшим внезапно голосом произнесла она. — Можете.

— Скажите, что с Верой? — спросили в трубке. — Мы все за нее волнуемся. Она уже вторую неделю не появляется на работе. Телефон ее все время выключен. Она... в порядке?

Так это звонят с Вериней работы! Хотят узнать, не больна ли Вера. Какое облегчение! Нет, Вера

не больна. Она здорова! Но тут же новая волна страха окутала Полину с ног до головы. Что происходит? Почему Вера не ходит на работу? Сестра работает музыкальным сотрудником в детском садике. И работа ей очень нравится. Вера всегда с радостью собирается на работу. Но минуточку, если она не появляется на работе вот уже вторую неделю, то куда же она уходит каждое утро? И где болтается весь день? И где проводит вечер?

И Полина принялась соображать. Последние неделю-две Вера приходит очень поздно. Выглядит крайне усталой. Отказавшись даже от скудного ужина, состоящего из хлеба и воды, она валится в свою постель и спит до утра. А утром встает чуть свет и куда-то убегает. Говорит, что на работу, но на работе ее не видели...

— Вот уже с прошлой среды мы не видим нашу Веру. Мы за нее тревожимся. Обычно она очень исполнительна и ответственна. За то недолгое время, что Вера работает у нас, она ни разу не пропустила работу без уважительной причины. Если заболела, то обязательно звонила, предупредила.

На том конце трубки явно ждали, что им ответят. Но что могла сказать Полина? Что ее сестра мотается к некому Учителю, который научил ее сидеть на диете из хлеба и воды, таскать уродливые черные тряпки, в которых сестра становится похожей на ворону, и, похоже, он же заставил Веру уйти с работы.

Полина сама не помнила, что пробормотала. Уверяла, что Вере пришлось уехать. Что дело крайне срочное. Что сестра обязательно позвонит и все объяснит, как только у нее представится такая возможность. По мере того как тетка на другом конце провода осознавала, что Вера жива и всего лишь куда-то смоталась, сочувствие в ее голосе уменьшалось, а недовольство возрастало.

— Она вам перезвонит! Клянусь вам!

— Уж пожалуйста! — почти сердито произнесла женщина. — Если Вера хочет взять отпуск за свой счет, то она должна была хотя бы написать заявление.

— Она... Она его написала.

— Да? И где оно?

— Оно дома.

— Тогда завезите его нам. Хотя так дела не делаются, должна я вам сказать. Ваша сестра отработала чуть больше двух месяцев и уже хочет в отпуск!

Полина и сама знала, что не делаются. Но что она могла?

Разговор давно закончился. А Полина все стояла, сжимая в руке телефонную трубку. Она была в полной растерянности. Она чувствовала, что с сестрой происходит нечто не просто странное, а уже по-настоящему плохое. Не могла ее сестрица вот так с бухты-барахты забить и на их семейный бизнес, и на свою собственную работу. С ней